

Удел бренного мира

В часы удушливого зноя многие прижимались обнажёнными руками и щеками к крепостным стенам — это всепроникающее марево, казалось, было не властно лишь над древним камнем. Холод стен стал единственным спасением. Кроме того, в ручки теперь погружали не только собранные овощи и фрукты, но и фляги, кухонную утварь, чашки и блюда, надеясь хоть так унять вобравший в себя жару металл и глину. Спёртый жар Сезона зелёного тумана разительно отличался от всего, что людям доводилось испытывать прежде: он налетал грубо, вместе с клочьями ползучей дымки, и так же внезапно рассеивался, превращая жизнь в череду изматывающих пыток. Кому понравится в одну минуту изнывать от духоты, а в следующую — кутаться в плащ у очага, пытаясь согреться?

Чтобы хоть как-то облегчить участь обитателей поместья, Гусь-монстр по указанию Фарфадэ ввёл в обиход «холодное меню». К трапезе обычно подавали либо остуженную кипячёную воду, либо травяной чай, а на выбор предлагалось несколько основных блюд. Среди них были лепёшки из орляка с добавлением сахара и синей мяты — их освежающий вкус вызывал в душе холод столь пронзительный, что он казался горше любой несчастной любви. Подавали и холодную косулю: тончайшие ломтики мяса выдерживали в рисовом вине, а через полчаса сдабривали пепельным мхом, базиликом и чесноком. Стол также украшали всевозможные салаты.

— Жаль только, скотины у нас никакой нет, — сокрушался Гусь-монстр. — Сюда бы идеально подошёл сыр.

Помня о том, что окрестные земли богаты пастбищами, Фарфаноэрс и впрямь задумался о возможности завести хозяйство. Проблема заключалась в том, что большинство местных животных не просто питали к людям лютую вражду, но и практически не поддавались приручению.

— Вы спрашиваете, кого раньше держали в замке? О... дайте припомнить. Длинношёрстных свиней? Их щетина вполне съедобна и на вкус напоминает лапшу, вот только в ярости они совершенно неуправляемы...

— А кроме свиней?

— Чёрных овец. Их шерсть необычайно клейкая! Раньше из неё вываривали клей, чтобы намертво скреплять четверых или пятерых узников вместе... Кхм, впрочем, польза от них есть: как закрепитель — вещь незаменимая. Правда, молодняк приходится держать строго порознь, иначе они слипаются в один комок. Благо у взрослых особей рога начинают выделять растворитель, — Гусь-монстр поспешно добавил: — Ещё были белые козы. Их молоко даёт превосходный сыр! Но если отведать их мяса, можно лишиться рассудка. К тому же эти козы мастера вводить людей в заблуждение... Можно было бы завести двуглавых фазанов...

— У них мясо жесткое, — отрезал Фарфаноэрс.

Он быстро оценил масштаб трудностей: каждое из этих созданий было по-своему проблемным. Неужели в этом проклятом месте нет ни одного нормального существа?

— Позже решим, — вздохнул он.

Тем временем туман снова начал рассеиваться. Пройдёт ещё полчаса, и люди, успевшие сбросить лишнюю одежду, вновь примутся поносить на чём свет стоит это непостоянство, с тоской вспоминая об утраченном тепле. Невыносимая погода!

Строительство деревни шло своим чередом. Архитекторы из найденных камней уже обозначили границы будущих построек. Туда же отправили и плотника Эрнста. Стоит заметить, что с приходом Сезона зелёного тумана число новоприбывших мертвецов резко сократилось. Среди тех немногих, кто пополнил ряды обитателей поместья, были сапожники, кожевники, мастера по плетению циновок и даже портные-носильщики, но ни одного нового плотника.

— Должно быть, наверху сейчас лето, — рассудила Хельзе. — В теплое время люди умирают реже. Пока не наступит глубокая осень, можно спать хоть на голой земле, да и пищи в достатке... Перед моей смертью, слыхала, где-то война шла, но, видать, в этом году затихло...

— Возможно, — отозвался Фарфаноэрс.

Сам он понимал, что даже без войны смертных подстерегают засухи, наводнения и болезни, но сейчас эти заботы казались слишком далёкими.

Гвидо, окончательно погрузившийся в изучение магии, на днях представил результат своих трудов. Под аккомпанемент грохота и взрывов он, используя древесную смолу, изготовил чернила, якобы предназначенные специально для начертания магических кругов.

— И какой от них прок? — осведомился Фарфаноэрс, оглядывая заваленный обломками пол, перевёрнутые стулья и отлетевший в сторону стол. В этот момент ему очень захотелось забрать назад все те привилегии, что он даровал Гвидо после создания стимулятора роста.

Старик на мгновение задумался.

— На данный момент... написанное ими кажется чуть ярче?

— ...

«Никогда мне не понять этих любителей химии», — мелькнуло в голове у Повелителя.

В тот же день Гвидо, в качестве наказания или отдыха (Фарфаноэрс и сам не решил до конца), был отправлен в библиотеку под присмотр Песфрие. Сам же Повелитель вернулся в кабинет, чтобы обдумать дальнейшие планы. Редкий случай — он позволил себе сесть на диван, отложив китель. Рядом на столике лежали две книги на демоническом языке, принесённые Песфрие: «Виолетология: Путь к обретению любви» и «Пир дураков».

Песфрие регулярно приносил ему демонические манускрипты, найденные среди обычных томов. Проблема была в том, что Фарфаноэрс не обладал способностью Гвидо мгновенно распознавать суть написанного. Каждый раз, едва открыв книгу, он ощущал головокружение от самих знаков заголовка, и ему требовалось время, чтобы прийти в себя.

Книги попадались самые разные. В перерывах между мирскими делами Фарфаноэрс пролистывал несколько страниц в поисках полезных сведений. По правде говоря, большинство этих трудов представляли собой нагромождение бессвязных загадок, которые читателю предлагалось разгадывать самому. Тут были и романы, повествующие о греховных страстях вперемешку с описаниями кровавых битв и пыток, и пустые афоризмы, и беспорядочные стихи — словом, ничего по-настоящему ценного. Когда на него находило вдохновение, он переводил по паре строк.

Он уже давно подметил в себе некий талант к переводу. Нет, скорее даже не талант, а отточенный навык: он легко подбирал нужные слова, тонко чувствовал эмоциональный настрой оригинала... Он не был уверен, связано ли это с его прошлой жизнью.

«Неужели я был переводчиком? Да нет, вряд ли...»

Его не оставляло любопытство. Странно всё-таки: как можно не помнить, кем ты был? И хотя в мире полно людей, не знающих самих себя, он, лишившись этой оболочки и титула, не смог бы составить о себе даже мало-мальски внятного рассказа.

Взгляд юноши упал на одну из стихотворных строк:

Бренный мир разверз багряную пасть,

Зубы-стены его — зеркала, что тверже железа.

Змей-язык затаился в этой твердыне,

Где схватка — лишь тлен и пустая забава.

Побеждённый падет в утробу, полнясь хмарью сомнений,

А отчаянье станет золотом и серебром,

Звеня в рокоте тайных приливов...

Когда Песфрие пришёл с докладом, Фарфаноэрс в кабинете уже не было. Учёный подобрал с пола листок, унесенный сквозняком. На нём изящным почерком было записано странное стихотворение, переложенное на общий язык. Песфрие взглянул на окно, о чём-то задумался, а затем аккуратно сложил бумагу и молча вышел.

— Вы не думали о том, чтобы завести жезл? — спросила Гитна. Она оставалась верна себе: высокая причёска, суровое и холодное выражение лица. Её застывший облик не выдавал ни радости, ни печали — она казалась живым воплощением строгого устава. Одно её присутствие внушало трепет. Однако в делах Гитна была беспристрастна, и именно эта непоколебимость характера позволяла ткацким мастерским работать как часы.

— Нет, — покачал головой Фарфаноэрс.

Он пришёл на урок этикета, а заодно — чтобы обсудить некоторые формальности. Его требованием было упрощение: утомительные церемонии и бессмысленные религиозные обряды следовало оставить в прошлом. Гитна, немного подумав, согласилась, но мягко добавила:

— Как бы то ни было, вы — Повелитель, и должны выглядеть подобающим образом.

По мнению Гитны, манеры Фарфаноэrsa были безупречны, даже величественны, что казалось естественным. Но внешне он был слишком юн, и это могло вызвать пренебрежение у окружающих. К тому же — стоит признать, проницательность бывшей старшей придворной дамы была исключительной — Гитна видела, что Фарфаноэрсу на самом деле претит, когда люди нарочито демонстрируют свою покорность. Его властность часто оставалась лишь на поверхности...

«Может, ему просто всё равно?» — гадала она. С точки зрения демона, должно быть, забавно наблюдать за бедняками-крестьянами и рабами, которые цепляются за суеверия, чтобы выжить на клочке земли.

Несмотря на это понимание, Гитна подсознательно видела в Фарфаноэрсe юного наследника престола из какой-нибудь воображаемой павшей империи, нуждающегося в её заботе... Будь у гибнущей страны такой принц, способный выстоять под грузом внешних и внутренних угроз ещё пять-шесть лет, то, повзрослев и сосредоточив власть в своих руках, он избавил бы подданных от ужаса перед вражеской конницей у городских ворот...

«Раз плоть уже обратилась в прах, пусть и бесполезные догмы уйдут вслед за ней».

Внешне Гитна оставалась невозмутимой. Фарфаноэрс, что-то почувствовав, медленно моргнул:

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Есть ещё что-то, требующее обсуждения?

Уголок её губ дрогнул в подобии улыбки. Вежливым, но твёрдым тоном она произнесла:

— В таком случае я займусь поисками подходящего... На чём мы остановились?

— Базовый этикет регионов Финсе, Анаслер и Фейеполония, — напомнил Фарфаноэрс. — И расскажи подробнее об их обычаях.

Совсем недавно он слышал обрывки этих историй от Гвидо. Старик был уверен, что Повелитель знает всё на свете, пока тот не переубедил его одной лишь фразой: «Жизнь людей слишком коротка. Смена династий для такого существа, как я — лишь мгновение. Стал бы ты ежедневно следить за тем, на сколько дюймов выросла соседская лошадь?»

— В этом есть смысл... Тогда позвольте мне восполнить этот пробел, — Гвидо воодушевился и начал свой рассказ.

Финсе располагался на плодородных равнинах и испокон веков управлялся династией королей. Независимо от пола, правителя всегда называли «Великим Владыкой». Высшее сословие Финсе утопало в роскоши: жемчуга, драгоценные камни, золотая упряжь. Традиция наносить макияж считалась всеми — от мала до велика. Столица королевства была огромна, а провинциальные города строились вокруг храмов. Там ценили земледелие и презирали торговлю. Храмы регулярно выдавали крестьянам зерно для посева или ссуды, а те в ответ платили налоги монахам и жрецам. Поскольку «Великий Владыка» считался и духовным лидером, Финсе был страной, где религия и власть составляли единое целое.

Регион Анаслер, занимавший центр континента, нельзя было назвать единой империей. Это было лоскутное одеяло из множества княжеств и уделов. Верховный правитель носил титул «Император». Каждые двадцать лет из пяти могущественных кандидатов — королей, патриархов или великих аристократов — выбирали правителя. Все они обладали безграничной властью и правили поочерёдно. Вечно борясь друг с другом за свои интересы, они сохраняли хрупкое единство лишь благодаря общей вере, и никто не знал, в какой день этот союз окончательно рухнет.

Большинство обитателей поместья были выходцами из Анаслера. С точки зрения любого жителя этого региона, единственное, в чём они могли согласиться с соседями — это деньги. Да, у них была общая валюта: на реверсе медных монет изображали фею с чашей нектара, на серебряных красовались лилии или барвинок, а на золотых — лик понтифика в короне.

Что касается Фейеполонии, то из этого края прибыли лишь двое: Гитна и мужчина средних лет по имени Салико. Фейеполония тянулась вдоль побережья, но ландшафт её был на редкость изменчив. Если в Финсе были равнины и реки, а в Анаслере — леса и заснеженные горы, то в

Фейеполонии хребты сменялись каменистыми пустошами, а полуостров удерживал монополию на мореходство. Там находился самый величественный из древних городов, воздвигнутый прямо в скалах среди неприступных круч. Там же процветала Великая Фейеполо — могущественная империя с богатейшим международным рынком. Её вассальные земли называли Малой Фейеполо. Несмотря на собственные названия, жители этих мест, уезжая далеко от дома, всегда говорили: «Я из Фейеполонии». И только если их спрашивали подробнее, неохотно добавляли: «Ну, если быть точным — из Малой Фейеполо».

<http://bllate.org/book/16116/1587198>